7 СЕН 1969
Советская Молдавия
г. Кишинев

Жизнь творческой интеллигенции

АКТРИСА

У ТЕАТРА перед портретами актеров остановились двое. Он и она. Пожилая пара. Мужчина рассматривал каждую фотографию. А женщина подняла голову к одной да так и застыла мечтательно. Что-то в портрете манило ее. И через некоторое время женщине непременно захотелось поделиться впечатлением. Она позвала спутника, кивнула на портрет. Мужчина взглянул и... вдруг:

— Ух ты!

— Артистка! — разделила его восторг женщина.

Портрет этот тогда только укрепили в витрине Русского театра имени А. П. Чехова.

Чуть улыбаясь, чуть прищуря глаза, не на прохожих — в себя смотрит на нем артистка.

Паулина Васильевна Конопчук.

* * *

Этот взгляд в себя — не рассчитанная выигрышная поза. Это свойство натуры, привычка человека, которому важно прислушаться к тайному движению своей души. Прислушаться и вдруг коснуться какой-то струны ее, чтоб где-то в креслах, от первого до последнего ряда, ответно вздрогнула душа другого человека. И он, зритель, с этой секунды доверился ее таланту.

Ее непростому таланту драматической актрисы.

* * *

Впервые я увидела П. Конопчук в спектакле «Встречи ранние и поздние». Она взошла на сцену, запахнувшись в шубу, высокомерно откинув красивую голову. Взошла, как делают это бессомненные героини, и от надменной красоты ее повеяло холодом. «Однако, подумала я, посмотрим, какой окажется игра».

Играла она отлично.

Спектакль уже сошел с репертуара. Память растеряла многие драгоценные подробности игры Конопчук, но образ Ольги Шеметовой, образ, созданный актрисой, она хранит. Такая внутренняя сила и страсть таилась в нем, что, помню, в конце спектакля, совершенно смущенная, я пробормотала словами Льва Николаевича Толстого: «Экая трагическая красота!»

И долго после спектакля волновалось воображение и тревожил вопрос: отчего с такой болью восприняла актриса судьбу Ольги, судьбу высоких обманутых чувств?

* * *

Я не раз бывала на различных собраниях театра. Признаться, здесь и надеялась получить ответ на свой вопрос, ждала, что Паулина Васильевна выступит, выскажется, раскроется. Но она молчала и, внимательная к речам других, сама ограничивалась короткими «за» или «против».

— Почему она молчит?

— А у нее свои способы высказаться.

И только со временем мне открылись эти способы, открылась природа молчания актрисы. Ее, человека чувствительного, томит боязнь слова, она опасается словом испортить хрупкую невыразимую суть вещей. Но зато на сцене, в игре отражается невысказанное, раскрывается большее, чем можно выразить словами. И тогда ты узнаешь не только актрису, но и человека, который средствами искусства отстаивает свои художественные и гражданские пристрастия.

* * *

Актеры, видно, в пику своей зависимости от пьесы, режиссера, публики и т. д., больше всего любят свою независимость и к слову непременно подчеркнут: «Моя тема в искусстве...» И называют эту тему.

Паулина Васильевна на вопрос о ее теме ответила:

— Любовь.

— Любовь?

И я мысленно «пролистала» образы, созданные ею на кишиневской сцене.

Ольга Шеметова. Преданная однажды, она наглухо захлопнула все подступы к своему сердцу, задернула все шторы и там, в темноте, далеко от чужих глаз, оно сочится тоской и недоумением. От страха, что ее могут отгадать, она, как щитом, прикрылась гордыней, своей пугающей красотой. И только по напряженному взгляду угадывается неутоленная жажда счастья.

Бланш Дюбуа. Раздавленная, уничтоженная, опозоренная капиталистическим миром наживы, стоит она на коленях, лицом вниз, и тянет, тянет свои руки в пустоту, в надежде натолкнуться на доброту «первого встречного». В безумной, несбыточной надежде.

Мисс Арманд. Как не повезло ей в наших рецензиях! Актриса «не поняла», «снизила» образ Арманд, писали критики. «Поняла» или «не поняла» актриса Арманд, об этом можно и поспорить, но отчего П. Конопчук «снизила» образ Арманд — догадываюсь.

Что для нее судьба какой-то далекой полуаристократки?

Актриса современная, остро чувствующая симпатии сегодняшнего дня, Паулина Конопчук демократизирует Арманд, создает на сцене судьбу такую, за которую могла бы заступиться. Именно заступиться. Она защищает всех своих героинь — Ольгу, Бланш, защищает Машу Прозорову, Арманд. Она — такая актриса. И пусть сама П. Конопчук считает, что ее тема в искусстве — любовь, я бы назвала ее — великодушная любовь к людям.

А еще точнее — Сострадание.

Сострадание к Ольге, Бланш, Арманд, Маше идет от глубоких личных, гражданских пристрастий актрисы, от желания видеть людей красивыми, лучше, чем они есть, от чувства, по-моему, самого главного в П. Конопчук — от благородной ненависти.

Ненависти к сытости.

Мещанской сытости. И в любви, и в жизни.

* * *

Несколько лет назад режиссер гостящего в Молдавии театра удивлялся вкусам нашей публики:

— Никогда б не подумал, что в Кишиневе такой нетеатральный зритель.

Я дотошно объясняла объективные причины: «долго не было театра, потом... затем... и еще...»

А как-то на спектакле «Стеклянный зверинец» за своей спиной слышу приглушенный спор:

— Арманд играет Конопчук.

— Не может быть.

— Посмотри в программу.

— Там ошибка. Конопчук — красавица. Она играет Бланш, я запомнила ее фамилию...

Жаль, что этого спора не может слышать режиссер заезжавшего к нам театра. Жаль, что я не имею возможности сказать ему: «Кажется, совсем недавно многие из зрителей ходили смотреть только пьесы, вернее, только любовные интриги в пьесах, сегодня они запоминают фамилию актрисы. Возможно, с этого и начинается театральная публика?»

* * *

Можно снисходительно улыбнуться, когда актрису в разных спектаклях не узнает зритель неискушенный. Но вот рядом со мной смотрит «Традиционный сбор» московский театральный критик. Два дня назад он видел «Встречи ранние и поздние», восторгался игрой П. Конопчук, а сейчас тянется к моему уху:

— Кто играет Носову?

Я злорадно сияю:

— Паулина Васильевна Конопчук.

И поворачиваюсь к нему лицом, чтоб сполна насладиться его изумлением.

Да, даже он, знаток театра, сел в калошу. И подвел его не искусный грим. Нет, дело не в приме. Дело в том, что Паулина Конопчук обладает редким актерским даром — «гримом души», способностью внутренне перевоплотиться и создать образы, непохожие даже внешне.

* * *

Как-то одна актриса, размахивая листочком с тремя фразами роли, возмущалась:

— И это роль? Я, актриса первой категории, получила три фразы!

В спектакле «Большевики» П. Конопчук играет Н. К. Крупскую и тоже произносит почти три фразы.

С лицом, совсем как у Надежды Константиновны, какой мы знаем ее по фотографиям и хронике, самую трудную из этих фраз: — «... нам необходимо, говорил он, просмотреть все наши теории, привести их в соответствие с новейшим историческим опытом войны, мира, нашей и других революций... и т. д. и т. п.» — самую громоздкую из этих фраз она произносит не как актриса, — как человек, который на подобные темы говорит часто, а потому свободно и естественно. К этому актриса добавляет еще кое-что и в результате ее Крупская — живая, и такая не по-театральному живая, что горе многих — покушение на Ленина — воспринимаешь через нее, через ее беду, и в трепете опускаешь глаза, когда тебе кажется, что ее размытый годами и слезами взгляд останавливается на тебе.

А ведь на листочке для текста роли отпечатано тоже три-четыре фразы.

* * *

Впрочем, к «маленьким» ролям у нее свое отношение.

Как-то накануне гастролей заболела актриса. В спектакле «По велению совести» она играла эпизод, вахтершу из общежития. Срочно понадобилась замена. Паулина Васильевна, которая никогда не просит даже больших ролей, попросила:

— Можно я сыграю?

Ее жест поняли как желание выручить театр. Но прошли гастроли, сезон, а роль тети Дуси, эпизод, так и остался в репертуаре актрисы.

— Бланш и тетя Дуся. Как видите, у Конопчук есть свои странности, — толковали этот случай разные люди.

Конечно, П. Конопчук есть что играть, и попросила она роль вахтерши не от бедности. Но когда я задумываюсь над этим жестом, то вижу не красивую сторону его («прима» — в эпизоде), вижу другое: театр нагружает актрису весьма-весьма посильно, ровно настолько, чтоб ей не угаснуть. А ей нужен не этот ровный огонь выходов и графиков, невысказанное томит ее, оно просится в самые разные роли, и разве только пламя, пожар, судьба сгореть на сцене способны утолить ее жажду.

* * *

Много лет назад на театральной программке, которую хранит П. Конопчук в память о своих первых шагах на сцене, кто-то из друзей написал ей: «Не стыдитесь своих порывов — они у вас исключительно светлые». Недавно и эту программку, и эти слова напомнил мне случай почти незаметный, не присматривайся я ко всему, что помогает ближе узнать П. В. Конопчук.

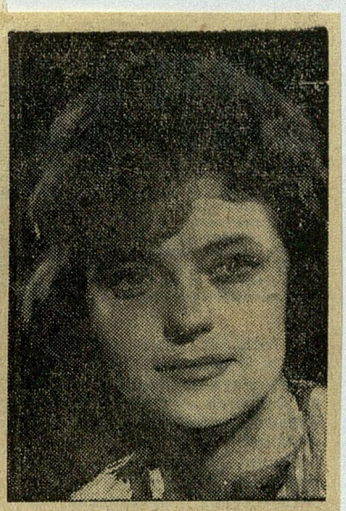
В фойе зашел разговор об удачной работе новой в театре актрисы. Паулина Васильевна хвалила ее. Хвалила искренне, без оговорок, без снисходительного похлопывания. Так говорить об удаче другой актрисы, почти соперницы, в театрах могут немногие.

Я слушала ее и радовалась, что никакие дурные страсти закулисной жизни, на которые у иного и хорошего актера уходит столько сил, не коснулись ее. Порывы ее остались такими же светлыми, как и в юности.

* * *

У Паулины Васильевны есть сын. Сашка. И когда их видишь вместе, понимаешь, как эти двое любят друг друга. Поэтому не удивляешься, как цепко хранит ее память то, каким был Сашка — в два месяца, полгода, три года, четыре, семь, тринадцать... О Сашке она рассказывает и смеется, и радуется, и вся светится:

— А как-то захожу в школу, учительница жалуется: за последние две недели Сашок



П. В. КОНОПЧУК.

разленился. — Понятно, отвечаю, понятно, знаю, почему разленился, исправимся.

Я догадываюсь, почему разленился Сашка:

— У вас, наверное, заканчивали спектакль?

Паулина Васильевна смеется:

— Точно.

Значит, даже Сашка, даже единственный любимый Сашка отходит на второй план, когда в театре сдают премьеру.

* * *

Мальчишки мечтают быть танкистами, космонавтами. Героями. Парни — физиками, математиками. Учеными. И наверняка поэтому от сознания своей исключительности среди окружающих они редко находят пример для подражания.

— А ты, ты на кого хотел бы быть похожим? — спрашиваю я студента Сашку.

— Я? — Он тихо, по секрету шепчет: — Я хочу только на нее, только, как она: честно относиться ко всему — работе, себе, людям...

И Сашка кивает на кухню, где неловко звенит чашками «она», Паулина Конопчук.

* * *

Как-то мы встретились на улице.

— Здрасте.

— Здрасте.

И — разошлись.

— Кто это? — спросила моя спутница.

— Паулина Васильевна Конопчук.

— Неужели?! И в та-а-ком платье?

Я рассмеялась: я слыхала их уже довольно много, похожих на эту, фраз. И сейчас, услышав еще одну, обернулась на Паулину Васильевну. Проводила взглядом ее совершенно «неартистичную», в платьице «татьяночкой» или как там называются эти простодушные сборочки по талии и ответила спутнице:

— Станет она тратиться на всякую ерунду!

И действительно, швырять время, силы на жизнь «бытейскую» П. Конопчук не станет. — Вся душа ее, жизнь принадлежат театру. Потому что она — актриса.

Актриса, каких бывает немного.

Л. ЛАТЬЕВА.